

УДК 94(47).07

*С.В. Джунджузов**

УЧАСТИЕ КОННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ СТАВРОПОЛЬСКИХ КАЛМЫКОВ В ВОЙНАХ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

В статье рассматриваются вопросы подготовки и участия калмыков Ставропольского войска в войнах России с Пруссией и Швецией. Калмыцкие конники усиливали боевую мощь русской армии, тогда как совместная служба с казаками и солдатами содействовала их адаптации в социокультурном пространстве Российской империи.

Ключевые слова: Ставропольское калмыцкое войско, война, правовое регулирование, военная служба.

Образование во второй половине 30-х гг. XVIII в. в Среднем Поволжье поселения крещеных калмыков происходило в обстановке, когда Российское государство вело решительную борьбу за утверждение своего присутствия в междуречье Волги и Яика [10]. Выбор местности для их размещения учитывал возможность пополнения за счет калмыков иррегулярных войск, оборонявших юго-восточные рубежи страны. Большие надежды с появлением в крае крещеных калмыков связывал первый начальник Оренбургской экспедиции И.К. Кириллов. Он предполагал использовать крещеных калмыков «обще с казаками во время каких-либо замешаней на калмык некрещеных, на кайсацкия орды, а паче на башкирцов, кои калмык не меньше регулярных войск боятца» [2, с. 45–46].

Во второй половине 1740-х годов калмыцкое поселение было преобразовано в иррегулярное войско, названное по аналогии с административным центром – городом Ставрополем – Ставропольским. Записанные в Войско калмыки также именовались ставропольскими.

Первое документированное упоминание о привлечении ставропольских калмыков к военной службе относится к 1739 г. В составе правительственных войск они участвовали в карательных операциях, направленных на подавление народных волнений в Башкирии [7, л. 84–85].

С середины 50-х гг. XVIII в. и вплоть до завершения войн с наполеоновской Францией калмыки принимали участие во всех военных кампаниях России, в которых были задействованы войска Оренбургского нерегулярного корпуса. Кроме того, в разное время их привлекали к карательным операциям, направленным на подавление национальных и антикрепостнических выступлений.

Правовое регулирование обязанностей калмыков по несению военной службы начало формироваться с включения Ставропольского ведомства в состав Оренбургской губернии. Воинская повинность, требовавшая колоссальных материальных затрат, тяжелым бременем ложилась на каждую калмыцкую семью и общество в целом. Согласно пункту 9 Сенатского указа «О правилах содержания и управления Ставропольской крепости и поселенных при оной калмыков», датированного 15 февраля

* © Джунджузов С.В., 2014

Джунджузов Степан Викторович (djund@yandex.ru), кафедра истории России Оренбургского государственного педагогического университета, 460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19.

1745 г., служилые калмыки заблаговременно должны были приобрести боевых лошадей и традиционно используемое ими вооружение. Причем в первоначальном проекте, представленном оренбургским военным губернатором И.И. Неплюевым, владельцам и зайсангам предписывалось позаботиться о заведении у подвластных им калмыков «огненного ружья» из расчета по одной турке на десять человек. Сенаторы завуалировали это требование более мягкой формулировкой: «В заведении калмыками огненного ружья принуждения никакого не чинить, а дать им в том на волю» [12, с. 308, 312, 325].

Навыки военного мастерства калмыки совершенствовали в столкновениях с киргиз-кайсаками (казахами) и другими кочевниками, совершавшими грабительские набеги на приграничные селения. В том же 1745 г. были определены условия и порядок призыва и несения ставропольскими калмыками пограничной службы. Каждое лето для охраны Оренбургской пограничной линии от набегов кочевников они должны были выставлять 300 всадников. На их содержание из Канцелярии оренбургского губернатора выделялась 1000 рублей. Рассчитывать на пособие в размере 1 рубля рядовые калмыки могли только в том случае, если указанное им место службы находилось от Ставрополя на расстоянии не менее чем в 500 верст. В период несения службы им выдавался провиант, фураж и 50 копеек ежемесячного жалования [11, с. 72–73].

Стремление российских властей в максимальном объеме эксплуатировать военный потенциал ставропольских калмыков очень часто вступало в противоречие с их материальными и людскими ресурсами. Особенно заметной эта тенденция была на начальном этапе формирования Ставропольского войска. Об этом, в частности, свидетельствует донесение И.И. Неплюева от 14 января 1744 г., в котором сообщалось, что для похода против киргиз-кайсаков оренбургским властям не удалось набрать 500 калмыков, обеспеченных оружием и двумя лошадьми.

Первое решение российского правительства об использовании ставропольских калмыков в военной кампании было принято в 1749 г. 29 мая из Коллегии иностранных дел последовал Указ, повелевавший снарядить для участия в предстоящей кампании (заметим, без уточнения — против какого именно неприятеля направленной. — С.Д.) 4 тысячи донских казаков и тысячу волжских калмыков. Последняя должна была состоять из 800 калмыков, подведомственных наместнику Калмыцкого ханства Дондук Даши, и 200 ставропольских крещеных калмыков. Для формирования команды предписывалось подбирать калмыков, лучше других подготовленных к дальнему походу, вооруженных и имеющих при себе по две лошади. Общее командование возлагалось на войскового старшину, назначенного «из надежных и проверенных людей». В качестве командиров к команде также приписывались 2 ротмистра, 2 хорунжих и 2 есаула. Содержаться двухсотенная команда должна была в Ставрополе в такой готовности, чтобы по получении указа могла выступить через три дня или, по крайней мере, через неделю. Для предупреждения возможных эксцессов с местным населением калмыков должен был сопровождать назначенный военным губернатором обер-офицер и десять казаков [3, л. 15–15 об.].

Но приготовления оказались напрасными. Указа о выступлении в поход не последовало. Однако представившейся оказией для улучшения военного оснащения ставропольских калмыков И.И. Неплюев все же воспользовался. В Донесении от 12 июня через Коллегию иностранных дел он известил Правительство об отсутствии у отобранных для похода калмыков огнестрельного оружия. Расходы на его приобретение губернатор предлагал возложить на заинтересованную сторону — покрыть за счет государственных средств. Последовала полугодовая пауза. Нужда в услугах калмыцкой команды отпала, а с нею развеялись надежды и на дополнительные ассигно-

вания. Государства неохотно выделяют средства на военные расходы в мирное время, и Россия в этом отношении не являлась исключением. 26 декабря 1749 г. Коллегия иностранных дел предложила И.И. Неплюеву обеспечить крещеных калмыков ружьями, отобранными у переходивших российскую границу со стороны Китая джунгарских калмыков, «которые через многие годы ржавеют». Было решено весь арсенал отправить в Оренбург и годное к употреблению огнестрельное оружие раздать бесплатно служилым калмыкам. В представленном Коллегией реестре числилось: стволов ружейных – 90, пищалей, винтовок, фузей и турок сложных – 29, 4 пистолета и 2 пистолетных ствола [4, л. 7–8]. Передача калмыкам старого, в большинстве своем непригодного к употреблению в боевых условиях оружия, конечно же, не могла решить проблему их вооружения и оставляла ее открытой до следующей крупной военной кампании, которая не заставила себя долго ждать.

Первое боевое крещение в войнах с иностранными противниками России ставропольские калмыки получили во время Прусской кампании. Специализировавшийся на военной истории калмыцкого казачества К.П. Шовунов приводит следующие сведения об этом событии. Кроме участвовавшего в войне 4-тысячного войска Калмыцкого ханства, накануне военных действий в Русской армии насчитывалось 1330 калмыков-казаков, из которых 500 состояли в Ставропольском калмыцком полку. В июле 1758 г. в составе передовых частей русских войск Ставропольский полк перешел прусскую границу. В составе соединений иррегулярных войск, сначала в отряде под командованием бригадира Ф. Краснощекова, а затем в 3-й дивизии Г. Броуна, калмыцкий полк использовался для прикрытия от набегов вражеской кавалерии и разведки прусских позиций. В 1758 г. в Русской армии произошла смена командования. За невыполнение указания Конференции по захвату Кенигсберга С.В. Апраксин был снят с поста командующего, а на его место заступил В.В. Фермор. По настоянию нового военного руководства, большинство иррегулярных войск, в том числе и ставропольские калмыки, были возвращены в Россию [19, с. 224–227]. К этому времени в Ставропольском полку числилось 494 калмыка-казака.

Умелые наездники, зоркие и внимательные разведчики и отчаянные рубаки, калмыки заслужили немало хвалебных отзывов со стороны армейского начальства. Даже сам Апраксин, отмечая их ратные заслуги, писал: «Я обойтись не могу об отменной храбрости сразившихся казаков, калмыков и гусар (*чтобы*. – С.Д.) не донести» [19, с. 227]. По возвращении в Ставрополь, к родным очагам, калмыцких воинов ждало денежное вознаграждение, им было назначено «за три месяца не в зачет жалование по три рубля каждому» [5, л. 58]. Не были обойдены вниманием и войсковые офицеры. Все они в ближайшее время были повышены в звании, а их предводитель, войсковой судья П. Торгоутский «за показанную во время башкирского замешания службу и при армии в прошедшую с прусаками кампанию и на линии» 28 апреля 1759 г. был произведен в войсковые полковники» [15, л. 114 об.].

Война с Пруссией явилась суровой проверкой реальных возможностей СКВ выделять и обеспечивать воинские контингенты, исходя из потребностей, определяемых центральной властью. Кампания показала, что установленный еще в 1745 г. ежегодный норматив призыва на летнюю линейную службу 300 человек в зависимости от ситуации может быть значительно увеличен. В то же время направление калмыков в дальние продолжительные походы требовало значительных дополнительных затрат, покрыть которые в силу неплатежеспособности самих калмыков могла только государственная казна. Так, уже к концу 1757 г. в Ставропольском полку вследствие падежа стала ощущаться острая нехватка лошадей. На их покупку П. Торгоутский просил Военную коллегия выделить его подчиненным дополнительное жалование. Из-за неукомплектованности лошадьми терялся всякий смысл содержания калмыков

в действующей армии, особенно после того, как они были выведены с театра военных действий в глубокий тыл. По этой причине на роспуске оренбургских нерегулярных полков (команд), сформированных из башкир, мишарей, ставропольских калмыков и казанских татар, настаивал подполковник Уваров. Он предлагал из каждой команды отобрать по сто всадников, а остальных «отпустить в их жилища, дабы не было казне напрасного убытка» [16, л. 28].

Большой людской и материальный урон понесло Ставропольское войско в период восстания Е.И. Пугачева (1773–1774 гг.). В вооруженное противостояние, как на стороне правительства, так и в значительно большем количестве на стороне повстанцев, оказалась втянутой вся мужская часть войскового населения, пригодного к несению службы [9, с. 49–52]. Придавленных нуждой ставропольских калмыков перестали привлекать к несению пограничной службы. В поисках выхода из сложившейся ситуации оренбургский военный губернатор А.И. Рейнсдорп вынужден был искать содействия в правительственных кругах. В донесении генералу-аншефу П.И. Панину от 7 июля 1775 г. он так характеризует положение дел в вверенном ему иррегулярном корпусе: «Казаки и ставропольские крещеные калмыки в бывшее народное замешание в такую пришли тонкость, что не только служилых своих лошадей лишились и теперь большая часть из них находится пешими, но и пропитание себе с семьями их приобретают с крайней нуждою» [6, с. 44–44 об.].

Лишь через три года, 26 января 1778 г., из Военной коллегии последовал Указ о командировании в Тулу калмыцкого старшины для покупки оружия. Из записей в послужных списках войсковых старшин следует, что в 1779 г., после четырехлетнего перерыва, к летнему несению службы на Оренбургской линии была допущена первая партия ставропольских калмыков [17, л. 1–13]. В 1781 г. на линию были откомандированы 205 ставропольских калмыков – пять старшин: войсковой квартирмейстер, ротмистр, хорунжий, два есаула и двести рядовых. Еще 51 человек были отряжены на поиск государственных преступников – воров и разбойников. К этому времени на вооружении войска состояло по 500 ружей, сабель и лядунок (*сумок для хранения зарядов и пуль к огнестрельному оружию. – С.Д.*) [18, л. 14].

Следующая военная кампания против внешнего врага, в которой участвовали ставропольские калмыки, пришлась на конец 1780-х гг. 21 июня 1788 г. шведский король Густав III решил воспользоваться ситуацией, когда основные силы Русской армии были стянуты на Юг для ведения военных действий против Османской империи. Без объявления войны он вторгся со своими войсками в пределы России. Расчет шведов строился на внезапности и численном превосходстве. Мечты шведского короля о быстром овладении Прибалтикой, а заодно с ней и Петербургом, развеялись уже в первые месяцы войны. 36-тысячная армия шведов, преследуемая 14-тысячным контингентом русских войск, вынуждена была снять осаду приграничных крепостей Нейшлота и Фридрихсгама и ретироваться на свою территорию. Во многом этому успеху способствовала блистательная победа, одержанная Российским Балтийским флотом под командованием адмирала С.К. Грейга 6 июля у о. Готланда. Дальнейшие боевые действия проходили на территории Финляндии, входившей в состав Шведского королевства.

Для усиления армии была произведена переброска в Финляндию значительных воинских команд из Оренбургского края. До недавнего времени факт участия ставропольских калмыков в войне со шведами констатировался без каких-либо пояснений. В 1965 г. Т.И. Беликов внес уточнение, что в боевых действиях против шведов были задействованы 150 ставропольских калмыков [1, с. 141]. Определенный прорыв в изучении данного события произошел благодаря изысканиям уфимского историка Р.Н. Рахимова. В фондах Российского государственного военно-исторического архи-

ва он отыскал ряд документов: письма генерал-поручика О.А. Игельстрома и рапорты командовавшего армией в Финляндии И.П. Салтыкова генерал-адъютанту Н.И. Салтыкову за 1792 г., которые дополнялись сведениями из послужных списков. Собранные материалы позволили исследователю внести существенные дополнения и пояснения в вопрос участия в войне оренбургских казачьих формирований и в том числе отряда ставропольских калмыков. В 1790 г. в шведской войне были задействованы 1-й и 4-й башкирские, 1-й мишарский пятисотенные полки, команды оренбургских казаков в 165 человек и ставропольских калмыков – в 150, а всего – 3000 человек. Р.Н. Рахимов подчеркивает, что в XVIII в. это была первая командировка за пределы края, в которой участвовали совместно башкиры, мишари, оренбургские казаки и калмыки. Командиром ставропольских калмыков был поручик Осип Улин. После заключения Верелского мирного договора в августе 1790 г. команда ставропольских калмыков совместно с другими оренбургскими формированиями была переброшена в Двинскую армию, располагавшуюся на границе Курляндии с Польшей. На них возлагались обязанности охраны российских рубежей в Прибалтике от возможных посягательств со стороны Пруссии. На родину ставропольские калмыки были отпущены в октябре 1792 г. [14, с. 442-444].

Участие в войне со Швецией оренбургских национальных формирований казачьего типа имело важное значение для их последующего боевого применения в войнах начала XIX в. против войск Наполеона.

До конца XVIII столетия Ставропольское войско продолжало ежегодно направлять в Оренбург на пограничную службу от 500 до 600 человек. С 1800 г. наряд сократился до 400 человек. К этому времени улучшилось и материальное довольствие призванных к несению службы калмыков. Согласно Указам Сената 1756 г. и Военной коллегии от 10 ноября 1785 г., каждому из них на 6 месяцев отпускался фураж по солдатской норме в размере, необходимом для содержания двух лошадей. Жалование войсковому и ротным старшинам выдавалось в размере их годовых окладов, а рядовым – по 12 рублей. Деньги на жалование и провиант поступали из Главного комиссариата, порох и свинец – из Артиллерийского ведомства [13, с. 971].

Если рассматривать политику государства, проводившуюся в отношении крещеных калмыков, как реализацию проекта по их аккультурации, включающего: оседлый образ жизни, земледелие, христианизацию, то наиболее успешным ее направлением следует считать привлечение калмыков к военной службе. В обмен на пустовавшие земельные угодья Россия получила иррегулярное конное войско, ежегодно выставлявшее наряды для защиты пограничных линий. Немало хвалебных откликов и наград заслужили калмыцкие конники за участие в войнах против внешних противников России – Пруссии и Швеции. Ратная служба по защите Отечества также оказывала на калмыков значительное социокультурное влияние. Связанные решением общих задач с казаками и солдатами Русской армии, калмыки перенимали военный и жизненный опыт, начинали воспринимать себя частью российского социума и по возвращении из служебных командировок передавали это ощущение всему войсковому населению.

Библиографический список

1. Беликов Т.И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII – начало XIX в.). Элиста: Калмиздат, 1965. 178 с.
2. Волжские Ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в. Документы и материалы: в 4 т. Т. 1. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х – 60-е гг. XVIII в. / отв. ред. А.С. Ряжев; сост. С.В. Джунджузов, А.В. Тепикин, Л.Б. Четырова. Ростов н/Д.: Изд-во Южного научного центра, 2011. 320 с.

3. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 19.
4. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 24.
5. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 89.
6. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 169.
7. ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 323.
8. ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 89.
9. Джунджужов С.В. «Пугачевское замешательство» и Ставропольское калмыцкое войско // Вестник Самарского государственного университета. Сер.: Гуманитарная. 2013. № 2 (103). С. 49–52.
10. Любичанковский С.В. «Внутренняя периферия» Российской империи: Средне-Волжский вариант // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2013. № 2. С. 165–169.
11. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. VII. Оренбург: Тургайская областная типография, 1907. 472 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Изд. 1. Т. XII. СПб., 1830.
13. Полное собрание законов Российской империи. Изд. 1. Т. XXII. СПб., 1830.
14. Рахимов Р.Н. Военная история российской провинции конца XVIII века: полезное знание или анекдот? // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сб. ст. Челябинск: Каменный пояс, 2006. С. 440–449.
15. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13. Оп. 1. Связка 102. Д. 7.
16. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 606.
17. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 205. Ч. 9.
18. РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 193. Ч. 1.
19. Шовунов К.П. Калмыки в составе Российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: Союз казаков Калмыкии, Калмыцкий ин-т. общественных наук, 1992. 320 с.

References

1. Belikov T.I. The Kalmyks in the struggle for independence of our Motherland. (XVII – beginning of XIX century). Elista: Kalmizdat, 1965. 178 p.
2. The Volga Stavropol Kalmyks from the mid 1730-ies through the fist half of the 19 century. Documents and materials. In 4 Volumes. Vol. 1. Stavropol Kalmyk Army in the mid 30-ies of the XVIII century - 60-ies of the XVIII century/ editor-in-chief A.S. Ryazhev; compilers: S.V. Dzhundzhuzov, A.V.Tepikin, L.B. Chetyrova. Rostov-on-Don: South Scientific Center Publishing House, 2011. 320 p.
3. State archive of Orenburg region (GAOO). F. 3. Op. 1. D. 19.
4. GAOO. F. 3. Op. 1. D. 24.
5. GAOO. F. 3. Op. 1. D. 89.
6. GAOO. F. 3. Op. 1. D. 169.
7. GAOO. F. 6. Op. 11. D. 323.
8. GAOO. F. 6. Op. 11. D. 89.
9. S.V. Dzhundzhuzov “Pugachev’s confusion” and Stavropol Kalmyk army // Vestnik of Samara State University. 2013. № 2 (103). P. 49–52.
10. Lyubichankovskiy S.V. «Inner periphery» of the Russian Empire: Middle Volga variant // Vestnik of Pushkin Leningrad State University. 2013. № 2. P. 165–169.
11. Materials on historic and statistic description of Orenburg Cossack army. Release VII. Orenburg: Turgai Regional Printing-House, 1907. 472 p.
12. Complete collection of laws of the Russian Empire. Ed. 1. Vol. XII. Saint Petersburg, 1830.
13. Complete collection of laws of the Russian Empire. Ed. 1. Vol. XXII. Saint Petersburg, 1830.
14. Rakhimov R.N. Military history of Russian province of the end of XVIII century: useful knowledge or a joke?// Historian in the changing environment of Russian culture: collection of articles. Chelyabinsk: Kamenniy poyas, 2006. P. 440–449.
15. Russian State Archive of Military History (RGVIA). F. 13. Op. 1. Link 102. D. 7.

16. RGVIA. F. 20. Op. 14/7. D. 606.
17. RGVIA. F. 52. Op. 1/194. D. 205. Part 9.
18. RGVIA. F. 52. Op. 1/194. D. 193. Part 1.
19. K.P. Shovunov The Kalmyks in the Russian Cossacks (second half of the XVII–XIX centuries). Elista: Union of Cossacks of Kalmykia, Kalmyk Institute of Social Sciences, 1992. 320 p.

*S.V. Dzhundzhuzov**

**PARTICIPATION OF CAVALRY UNITS OF STAVROPOL KALMYCKS
IN THE WARS OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF XVIII CENTURY**

The article considers the issues of preparation and participation of the Kalmycks of Stavropol troops in the wars of Russia with Prussia and Sweden. The Kalmyck cavalymen reinforced the fighting power of Russian Army and the military service together with the Cossacks and soldiers helped in their adaptation in the social and cultural space of Russian Empire.

Key words: Stavropol Kalmyck troops, war, legal regulation, military service.

* *Dzhundzhuzov Stepan Viktorovich* (djund@yandex.ru), the Dept. of History of Russia, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, 460014, Russian Federation.